

Ночь (Кошмар)

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Ночь (Кошмар) НОЧЬ (КОШМАР)

Я страстно люблю ночь. Я люблю ее, как любят родину или любовницу, – инстинктивной, глубокой: непобедимой любовью. Я люблю ее всеми своими чувствами – глазами, видящими ее, обонянием, вдыхающим ее, ушами, внимающими ее тишине, всем моим телом, охваченным ласкою мрака. Жаворонки поют при солнечном свете, в голубом горячем воздухе, в прозрачности ясного утра. Филин летает ночью; черным пятном пересекает он темное пространство и, радостно опьяненный темной бесконечностью, испускает гулкие зловещие крики.

День утомляет меня, надоедает мне. Он груд и шумен. Я с трудом встаю, нехотя одеваюсь и выхожу из дому с сожалением. Каждый шаг, каждое движение, жест, каждое слово, каждая мысль тяготит меня, точно я подымаю непосильное бремя.

Но когда солнце начинает склоняться, смутная радость охватывает все мое тело. Я пробуждаюсь, одушевляюсь. По мере того, как спускается темнота, я начинаю чувствовать себя совсем другим: моложе, сильнее, веселее, счастливей. Я вижу, как сгущается эта кроткая великая тьма, падающая с неба; она затопляет город, точно неуловимая волна; она скрадывает, стирает, уничтожает краски, и формы; она обнимает дома, живые существа, памятники в своих неощутимых объятиях.

Тогда мне хочется кричать от радости, подобно совам, бегать по крышам, подобно кошкам. И могучая, непобедимая жажда любви вспыхивает в моих жилах.

Я иду, шага по темным предместьям Парижа, по окрестным лесам, и слышу, как бродят там мои братья – звери и браконьеры.

Все то, что вы страстно любите, в конце концов всегда вас убивает. Но как передать, что происходит со мной? Чем объяснить, что я решаюсь об этом рассказать? Не знаю, ничего не знаю, – знаю только, что это так. И все.

Вчера... Было ли это вчера? По-видимому, да, если только это не

случилось прежде, в другой день, в другом месяце, в другом году, — не знаю. Это, однако, должно было быть вчера, потому что день больше не наступал, потому что солнце не восходило. Но с каких пор продолжается ночь? Я каких пор?.. Кто скажет? Кто это узнает когда-нибудь?

Итак, вчера, я вышел после обеда, как делаю это каждый вечер. Была прекрасная погода, очень мягкая, очень теплая. Направляясь к бульварам, я смотрел вверх и видел над головой черную реку, усеянную звездами, окаймленную в небе крышками, домов; она извивалась и зыбилась волнами, эта река, по которой струились светила.

Все было прозрачно в легком воздухе — от планет до газовых рожков. Столько огней горело в небе и в городе, что самый мрак, казалось, сиял. Светлые ночи куда радостнее ярких, солнечных дней.

На бульваре сверкали огни кафе, публика смеялась, люди двигались по тротуарам, пили вино. Я зашел ненадолго в театр. В какой? Не знаю. Там было так светло, что мне стало грустно, и я ушел, чувствуя, что сердце мое омрачено этим грубым светом, отражавшимся на позолоте, балкона, искусственным сверканием огромной хрустальной люстры, огнями освещенной рампы, — этот резкий, фальшивый блеск навевал меланхолию. Я дошел до Елисейских Полей, где кафешантаны походили на очаги лесного пожара.

Каштаны, окутанные желтым светом, казались не то окрашенными, не то фосфоресцирующими. А электрические шары, похожие на сверкающие бледные луны, на упавшие с неба гигантские живые жемчужины, своим перламутровым, таинственным и царственным сиянием совершенно затмили отвратительный, грязный свет газовых рожков и цветные гирлянды стеклянных фонариков.

Я остановился под Триумфальной аркой, чтобы посмотреть на дорогу, на изумительную, ярко освещенную дорогу, которая тянулась к городу двумя линиями огней, и на небесные светила, сияющие там, вверху, неведомые светила, случайно брошенные в пространство, где они очерчивают те странные фигуры, что порождают столько мечтаний, столько дум.

Я вошел в Булонский лес и долго бродил там. Я был охвачен

странным трепетом, неожиданным и могучим волнением, вдохновенным восторгом, граничащим с безумием.

Я ходил долго-долго. Потом пошел обратно.

Который был час, когда я снова очутился под Триумфальной аркой? Не знаю. Город засыпал, и тучи, тяжелые, черные тучи, медленно тянулись по небу.

И тут я впервые почувствовал, что должно случиться что-то новое, необычайное. Мне показалось, что стало холодно, что воздух, словно сгущался, что ночь, моя любимая ночь, тяжелым гнетом ложилась мне на сердце. Улица была теперь пустынна. Только двое полицейских ходили взад и вперед у стоянки фиакров, а по мостовой, едва освещенной газовыми рожками, готовыми вот-вот погаснуть, тянулась к Главному рынку вереница повозок с овощами. Нагруженные морковью, репой и капустой, они двигались медленно. Невидимые возчики спали на своих возах, лошади шли ровным шагом, бесшумно ступая по деревянной мостовой. Под каждым фонарем тротуара морковь загоралась красным цветом, репа – белым, капуста – зеленым. Повозки катились одна за другой, красные, как огонь, белые, как серебро, зеленые, как изумруд. Я пошел за ними, затем повернул на Королевскую улицу и вернулся на бульвар. Ни души; свет в кафе погашен; только несколько запоздалых прохожих торопились домой. Никогда не видел я Парижа таким мертвым, таким пустынным. Я вынул часы. Было два часа.

Меня толкала какая-то сила, какая-то потребность двигаться. Я прошел до Бастилии. Здесь я заметил, что никогда еще не видывал такой темной ночи, так как не различал даже Июльской колонны, – золотая статуя терялась в непроницаемом мраке. Тяжелый свод туч, огромный, как бесконечность, поглотил звезды и, казалось, опускался на землю, чтобы уничтожить и ее.

Я вернулся. Вокруг меня не было уже ни души. Впрочем, на площади Шато д'О на меня чуть не наткнулся пьяный: вскоре исчез и он. Несколько минут я прислушивался к его гулким, неровным шагам. Я пошел дальше. На холме Монмартра проехал фиакр, спускаясь к Сене. Я окликнул его. Кучер не ответил. Какая-то женщина бродила возле улицы Друо.

– Господин, послушайте-ка...

Я ускорил шаги, чтобы избежать ее протянутой руки. И больше я не встретил никого. Перед театром Водевиль тряпичник рылся в канаве. Его фонарик мелькал у самой земли. Я спросил его:

– Который час, приятель?

– Почему я знаю! – проворчал он. – У меня нет часов.

Тут я вдруг заметил, что газовые рожки погашены. Я знал, что в это время года из экономии их гасят рано, перед рассветом, но до рассвета было еще далеко, очень далеко.

«Пойду на Главный рынок, – подумал я, – там, по крайней мере, увижу жизнь».

Я отправился дальше, не различая перед собой дороги. Я подвигался медленно, как в лесу, узнавая улицы только по счету.

Возле здания Лионского кредита на меня зарычала собака. Я повернул на улицу Граммон и заблудился. Я стал бродить наугад, потом узнал Биржу по окружавшей ее железной решетке.

Весь Париж спал глубоким, жутким сном. Но вот вдали послышался стук фиакра, одинокого фиакра, может быть, того самого, который мне только что встретился. Я пытался догнать его, идя на шум колес через пустынные улицы, черные, черные, черные, как смерть.

Я заблудился снова. Где я? Какое безумие гасить газ так рано. Не видно ни одного прохожего, ни одного запоздавшего, ни одного бродяги, не слышно даже мяуканья влюбленной кошки. Ничего.

Где же полицейские? Я подумал: «Крикну, и они появятся». Я закричал. Никто мне не ответил.

Я закричал сильнее. Мой голос уносился, не рождая эхо, слабый глухой, задушенный ночью, этой непроницаемой ночью.

Я испустил вопль:

– Помогите! Помогите! Помогите!

Мой отчаянный призыв остался без ответа. Который же был час? Я вытащил часы, но у меня не было спичек. Я прислушивался к легкому тиканью маленького механизма со странной, непривычной радостью. Он казался живым. Я уже был не совсем одинок. Какое чудо! Я снова пустился в путь, как слепой, ощупывая палкой стены и каждую минуту подымая глаза к небу в надежде, что

забрезжит наконец рассвет. Но небесное пространство было черно, совсем черно, чернее самого города.

Который мог быть час? Мне казалось, что я иду бесконечно долго, — ноги мои подкашивались, я задыхался и невыносимо страдал от голода.

Я решился позвонить у первых же ворот. Я потянул медную ручку, и звон колокольчика гулко раздался в тишине дома. Он звенел странно, точно этот дребезжащий звук был единственным во всем доме.

Я подождал; ответа не было; дверь не отворили. Я снова позвонил; опять подождал — ничего.

Мне стало страшно. Я побежал к следующему дому и раз двадцать подряд дергал звонок, звеневший в темном коридоре, где должен был спать консьерж. Но он не проснулся, и я пошел дальше, изо всех сил дергая у ворот за кольца и ручки звонков, стучась ногами, палкой, руками в двери, упорно остававшиеся закрытыми. И вдруг я заметил, что очутился на Главном рынке. Здесь было пустынно, тихо и мертво: ни повозок, ни людей, ни одной связки овощей или цветов. Он был пуст, молчалив, покинут, мертв.

Меня охватил ужас. Что случилось? Боже мой, что случилось?

Я ушел оттуда. Но который час? Который же час? Кто скажет мне, который час? Ни одни часы не били ни на колокольнях, ни на зданиях. Я подумал: «Сниму стекло с моих часов и пальцами нащупаю стрелки». Я вынул часы... Они не шли... они остановились. Ничего больше, ничего — никакого движения в городе, ни луча света, ни звука в воздухе. Ничего. Нет даже отдаленного стука колес фиакра — ничего.

Я был на набережной, и с реки подымалась леденящая свежесть. А Сена, течет ли она еще?

Я захотел это узнать, нащупал лестницу и спустился по ней... Я не слышал журчания текущей воды под арками моста... Еще ступеньки... потом песок... тина... потом вода...

Я окунул в нее руку... она текла... она текла... холодная... холодная... холодная... почти ледяная... почти иссякшая... почти мертвая...

И я почувствовал, что у меня уже не хватит сил подняться вверх... и что я тоже умру здесь... от голода, от усталости, от холода.

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП
«Аурика», 1994

Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Hekaýalar